

> МАГИСТРАЛЪ >

ЭДИТ УОРТОН

Старый Нью-Йорк

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
У64

Edith Wharton
OLD NEW YORK
1924

Перевод с английского *Светланы Харитоновой* и *Марины Мухаметзяновой*
Литературные редакторы *Юлия Каллистратова* и *Марина Стрелетова*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление серии *Натальи Портяной*

Уортон, Эдит.

У64 Старый Нью-Йорк / Эдит Уортон ; [перевод с английского М. Мухаметзяновой, С. Харитоновой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с. — (Магистраль. Главный тренд).

ISBN 978-5-04-227698-9

«Старый Нью-Йорк» (Old New York, 1924) Эдит Уортон — цикл из четырёх новелл-приквелов к другому роману автора — «Эпохе невинности», раскрывающих нравы элиты Нью-Йорка 1840—1870 гг. Уортон мастерски препарирует социальные условности высшего света, где традиции и статус диктуют каждый шаг. Читатель встретит знакомых персонажей по «Эпохе невинности»: влиятельную миссис Мэнсон Мингготт, сплетника Силлертон Джексона и аристократа Генри ван дер Лайдена.

Главные герои данных новелл совершают поступки из любви, но общество отвергает их за отклонения от их принятой парадигмы поведения.

Несбывшиеся надежды: юноша Льюис Рейси тратит наследство на картины итальянского Возрождения по совету Рёскина. Отец лишает его всего, но спустя полвека полотна приносят состояние.

Старая дева: Шарлотта рождает внебрачного ребёнка от бывшего ухажёра кузины Делии. В силу обстоятельств Шарлотта не может воспитывать девочку, поэтому Делия удочеряет девочку.

Искра: рассказчик восхищается другом Хейли Делейном, чьи моральные порывы — наследие встречи с Уитменом на войне. Правда, тогда Делейн не знал, кто он такой, и когда рассказчик случайно помогает ему разгадать загадку и знакомит его с некоторыми стихотворениями Уитмена, Делейн испытывает разочарование, считая новые формы поэзии чепухой.

День Нового года: Лиззи Хейзелдин продаёт любовь Генри Присту, чтобы содержать больного мужа. После его смерти она остаётся отверженной обществом, верной его памяти до конца дней. Много лет спустя рассказчик знакомится со стареющей Лиззи, которая ведёт жизнь дамы полусвета, отвергнутая обществом, но при этом хранит верность образу мужа и никого к себе не допускает.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Мухаметзянова М., перевод на русский язык, 2025
© Харитонова С., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-227698-9

НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ
(сороковые)

ЧАСТЬ I

Глава I

Знойный июльский день наполнился ароматами сена, вербены и резеды. Крупные багровые клубничины в обрамлении листиков мяты парили над столом в большой бледно-желтой полусфере старинной георгианской чаши; ее фасетчатые бока с гербом Рейси между львиными головами играли на солнце причудливыми отражениями. Время от времени, заслышав грозное гудение, джентльмены хлопали себя по щекам, лбам и лысым макушкам, однако делали это украдкой, поскольку Холстон Рейси, на чьей веранде сидело общество, не желал признавать, что в Хай-Пойнт есть комары.

Клубника выросла в саду мистера Рейси, чаша досталась ему от прадеда (отца того Рейси, что подписывал Декларацию независимости), а веранда была частью загородной виллы, стоявшей на возвышенности над проливом Лонг-Айленд, в удобной близости к городскому дому мистера Рейси на Канал-стрит.

— Еще стаканчик, Коммодор? — Мистер Рейси встряхнул батистовый платок размером со скатерть и приложил уголок к мокрому лбу.

Мистер Джеймсон Леджли с улыбкой хлопнул очередной бокал. В юности он служил во флоте и еще курсантом под командованием адмирала Портера участвовал в войне тысяча восемьсот двенадцатого года, чем и заслу-

жил свое прозвание. Этот веселый загорелый холостяк с лицом бронзового идола, каких сам он наверняка привозил немало из плаваний, и по сию пору выглядел бравым моряком, хотя давно уже вышел в отставку. Белоснежные парусиновые брюки, фуражка с золотыми галунами, сверкающие зубы — вылитый капитан фрегата. Впрочем, на дружескую пирушку он приплыл всего лишь с Лонг-Айленда, и его изящный белый шлюп теперь стоял в бухте за мысом.

Перед домом мистера Рейси раскинулась его гордость — спускающаяся прямо к воде лужайка. Дважды в месяц здесь косили траву, а по весне лужайку утапывала старая белая лошадь, специально подкованная для этой цели. Под верандой были разбиты три круглых клумбы с розовой геранью, гелиотропами и бенгальскими розами; их миссис Рейси обрабатывала, надев перчатки с длинными раструбами и укрывшись от солнца под небольшим навесом, который раскладывался при помощи резной ручки из слоновой кости. Дом, перестроенный и расширенный мистером Рейси после женитьбы, поучаствовал в Войне за независимость — в нем располагался штаб Бенедикта Арнольда. В кабинете хозяина висела литография тех времен, но теперь никто не разглядел бы скромные очертания того колониального коттеджа в новом величественном сооружении, которое Даунинг в своей «Ландшафтной архитектуре Америки» безапелляционно назвал «тосканской виллой»: крашенные под цвет камня шпунтовые доски, угловая башенка, высокие узкие окна, веранда на столбах с каннелюрами. Между самими зданиями была такая же разница, как между грубой литографией с изображением старого дома и великолепной гравюрой на стали его преемника (с «превосходным экземпляром» плакучего бука на лужайке). У мистера Рейси имелись все основания быть высокого мнения о собственном жилище.

Мистер Рейси придерживался высокого мнения обо всем, что было связано с ним личными интересами или кровным родством. Едва ли он часто радовал миссис Рейси, однако все знали, какого высокого мнения он о супруге. То же и с дочерьми, Сарой Энн и Мэри Аделин, юными копиями флегматичной миссис Рейси, — неизвестно, как близки были девочки со своим благодушным родителем, но каждый хоть раз слышал, как горячо отец их расхваливал. Главным предметом гордости мистера Рейси был его сын Льюис. Правда, острый на язык Джеймсон Леджли однажды заметил, что если бы Холстон вздумал смастерить себе наследника, крайне сомнительно, чтобы плодом его кропотливых трудов стал Льюис.

Мистер Рейси был мужчина монументальный, почти равновеликий во всех трех измерениях. Каким бы боком он ни повернулся к окружающим, зрителям открывался одинаково впечатляющий вид; и каждый дюйм этого необъятного пространства был так изысканно ухожен, что фермерам вполне могло прийти на ум сравнение с необозримыми угодьями, где возделан каждый клочок земли. Даже лысина, столь же обширная, как и все остальное, выглядела так, словно ее полировали ежедневно; а в жаркий день он являл собой пример восхитительно мудреной и невероятно дорогой оросительной системы. Он был так огромен, так много в нем было граней и плоскостей, что увлекательнейшее зрелище представало перед наблюдателями, когда каждая струйка влаги спускалась по своему руслу. Даже на его исполинских полнокровных руках капли умудрялись разделиться, стекая разными дорожками с гребней пальцев; а уж что касается лба, висков и пухлых подушечек щек под нижними веками, каждый из этих склонов имел свой ручеек с тихими заводями и бурливыми водопадами. Картина эта вовсе не была отталкивающей, потому как

вся его неохватная пузырящаяся поверхность лучилась чистейшим здоровым румянцем и благоухала роскошнейшим одеколоном и лучшим французским мылом.

Миссис Рейси хоть и не могла похвастаться столь величественным сложением, тоже обладала определенным размахом. Нарядившись в лучшее платье муарового шелка (такое пышное, что стояло само по себе) и довершив образ бесчисленными кружевными оборками, а также гроздьями пурпурных виноградин щегольской парижской шляпки, она почти соответствовала объему мужа. И вот эта самая пара «с полной загрузкой», как выразился бы Коммодор, произвела на свет шуплого коротышку Льюиса; мальчик-с-пальчик при рождении, недомерок в детстве, он вырос теперь в юношу столь же значительного, как полуденная тень.

«Наверняка эти мысли не раз приходили в голову четверем джентльменам, собравшимся вокруг отцовской чаши», — думал Льюис, свесив ноги с перил веранды.

Мистер Роберт Хаззард, высокий широкоплечий банкир, казавшийся огромным в любом обществе, исключая общество мистера Рейси, откинулся назад, поднял бокал и слегка поклонился Льюису.

— За большое путешествие!

— Не сиди на перилах, мой мальчик, ты похож на воробья, — укоризненно произнес мистер Рейси. Льюис спрыгнул на землю и ответил на поклон мистера Хаззарда.

— Я как-то не подумал, — промямлил он, пуская в ход излюбленное оправдание.

— За большое путешествие! — подняв стаканы, веселым эхом отозвались мистер Эмброуз Хаззард, младший брат банкира, мистер Леджли и мистер Дональдсон Кент.

Льюис снова поклонился и пригубил забытый бокал. Смотрел он только на мистера Кента, дальнего родственника отца. Молчаливый человек с худым орлиным про-

филем выглядел как отставной герой Войны за независимость, но при этом жил в ежедневном страхе перед пустяковыми опасностями и малейшей ответственностью.

Сей благоразумный, осмотрительный гражданин несколько лет назад получил неожиданное и совершенно возмутительное требование взять на попечение дочь своего единственного брата Джулиуса Кента. Сам Джулиус умер в Италии — что ж, это его личное дело, он ведь переехал туда добровольно. Однако позволить собственной жене умереть раньше себя, оставить несовершеннолетнюю дочь, да еще и написать завещание, поручающее опеку над ней почтенному старшему брату (Дональдсону Кенту, эсквайру, Кент-Пойнт, Лонг-Айленд и Грейт-Джонс-стрит, Нью-Йорк), — это не что иное, как черная неблагодарность, переходящая всяческие границы. Ни сам мистер Кент, ни его супруга решительно не понимали, чем Дональдсон (не раз выплачивавший долги брата) заслужил это последнее бремя.

Племянница приехала. Ей было четырнадцать, и все вокруг сочли шуплую смуглую девочку дурнушкой. Ее звали Беатриче. Это было ужасно само по себе и усугублялось тем, что невежественные аборигены сократили имя до Триши. Однако девочка была расторопной, услужливой и добронравной, а некрасивость, по мнению друзей мистера и миссис Кент, лишь упрощала всем жизнь. В семье Кентов подрастали двое мальчиков, Билл и Дональд; если бы нишая кухня была хороша собой, наверняка привлекала бы к себе больше внимания и, как знать, может, в конечном итоге отплатила бы родственникам за милосердие бездушным коварством. Внешность устраняла эту опасность, и Кенты могли быть добры к племяннице, не беспокоясь о последствиях, а доброта была у них в крови. С годами Триши постепенно сама стала нянькой для своих опекунов, поскольку в крови мистера и миссис Кент, помимо доброты,

была еще и склонность беспомощно вверять себя заботам любого, кто не вызывал в них тревоги и подозрений.

— Да, он отплывает в понедельник.

Мистер Рейси резко кивнул сыну, который отставил стакан, сделав лишь маленький глоток. «До дна, плут!» — приказывал кивок, и, запрокинув голову, Льюис проглотил все одним духом, хотя жидкость едва не застряла в его цыплячем горле. Ему уже пришлось осушить два стакана, и этого было более чем достаточно. Теперь скромная веселость, очевидно, перетечет в безудержную говорливость, за которой последуют тоскливый вечер и мутное утро. А ведь он хотел сегодня сохранить разум ясным для неторопливых чистых дум о Триши Кент.

Конечно же, Льюис не мог на ней жениться. Пока не мог. Хотя сегодня ему исполнился двадцать один год, он все еще полностью зависел от отца. И, по правде сказать, его не так уж расстраивало, что сначала он отправится в путешествие, о котором мечтал с той самой минуты, когда его младенческий взгляд впервые привлекли гравюры, изображавшие европейские города, в пропащем циновками длинном коридоре второго этажа. Все, что Триши рассказывала об Италии, лишь усилило его томление. О, если бы он мог взять ее с собой проводником, его Беатриче! (Она подарила ему принадлежавший отцу томик Данте с гравированным фронтисписом, изображавшим Беатриче, а Мэри Аделин, которую учил итальянскому один из романтических миланских изгнанников, помогала брату с грамматикой.)

Да, сейчас поездка в Италию с Триши была лишь мечтой, однако когда-нибудь они вернутся туда мужем и женой, и тогда, может быть, именно Льюис станет проводником, который откроет ей чудеса родины, страны, о которой она, если вдуматься, знала совсем немного, разве что мелкие бытовые подробности, необычные, но малозначительные.

Столь радужная перспектива раздула грудь воздыхателя Беатриче и примирила его с мыслью о расставании. В конце концов, в глубине души Льюис все еще чувствовал себя мальчиком, а вернуться планировал мужчиной, это он скажет ей завтра при встрече. Когда он вернется, его характер окончательно сформируется, а знание жизни (которое он уже считал весьма глубоким) обретет полноту; тогда никто не сможет их разлучить. Льюис улыбнулся, представив, как мало тронут ругань и крики отца мужчину, вернувшегося из большого путешествия...

Джентльмены пустились в воспоминания о собственных вояжах. Никто из них — даже сам мистер Рейси — не провел в Европе столько времени, сколько должен был провести Льюис, но Хаззарды дважды бывали в Англии по делам банка, а отважный Коммодор Леджли — во Франции и Бельгии (ранние приключения на Дальнем Востоке не в счет). Все трое сохранили яркие и забавные впечатления, слегка приправленные неодобрением иноземных нравов.

— Ох уж эти француженки! — посмеивался Коммодор, скаля белые зубы.

Однако тут в разговор включился бедный мистер Кент, который провел за границей медовый месяц. В Париже его застигла революция тридцатого года, во Флоренции свалила лихорадка, а в Вене власти едва не арестовали как шпиона; единственным приятным эпизодом в этом катастрофическом и никогда больше не повторявшемся путешествии было то, что его ошибочно приняли за герцога Веллингтона, когда он пытался выскользнуть из венского отеля в синем сюртуке своего посыльного. Толпа встретила его «с лестным энтузиазмом», признался мистер Кент.

— И как только мой несчастный брат Джулиус мог там жить! Впрочем, мы все видим, к чему это привело, — говорил он, будто невзначай бедняжки Триши при-

давала его выводам особый вес. — В Париже есть одна вещь, от которой тебя следует предостеречь, мой мальчик: игорные дома на Пале-Рояль. Внутри сам я не бывал, но мне хватило и взгляда снаружи, — добавил он в том же назидательном тоне.

— Я знал парня, посадившего в них целое состояние, — подтвердил мистер Генри Хаззард.

— А какие там потаскушки! Ох уж эти потаскушки... — с масляными глазами посмеивался Коммодор, допив десятый стакан.

— Что касается Вены... — начал мистер Кент, но мистер Генри Хаззард прервал его:

— Даже в Лондоне молодой человек должен быть начеку, чтобы не угодить в ловушку. Вот где процветают все виды мошенничества, а зазывалы неусыпно высматривают «карасей». Это такой термин, — добавил он извиняющимся тоном, — который они применяют к путешественникам, впервые приехавшим в страну.

— В Париже меня однажды чуть не вызвали на дуэль! — выдохнул с благоговейным ужасом мистер Кент и с облегчением покосился на пролив, в сторону мирной крыши своего дома.

Коммодор расхохотался:

— О, дуэли! Дуэли и здесь не редкость. Я лично участвовал в доброй дюжине еще юнцом, в Новом Орлеане. Из-за женщин, — доверительно подмигнул он, протягивая мистеру Рейси пустой стакан.

Мать Коммодора была южанкой и после смерти мужа провела несколько лет со своими родителями в Луизиане, так что разносторонний жизненный опыт ее сын начал получать довольно рано.

— Дамы идут! — предостерегающе рявкнул мистер Кент.

Джентльмены поднялись на ноги, Коммодор вскочил так же быстро и уверенно, как прочие. Французское

окно гостиной распахнулось, и оттуда выплыла миссис Рейси в шелковом платье с оборками и кружевной шляпке Пуэн-де-Пари, за ней следовали дочери в платьях из накрахмаленной кисеи с розовыми корсажами. Мистер Рейси с гордым одобрением взирал на своих женщин.

— Джентльмены, — произнесла миссис Рейси совершенно ровным голосом, — ужин на столе. Прошу вас оказать честь мистеру Рейси и мне...

— Честь, мэм, — сказал мистер Эмброуз Хаззард, — оказываете нам вы своим приглашением!

Миссис Рейси присела в реверансе, джентльмены поклонились, а хозяин дома произнес:

— Хаззард, дайте миссис Рейси вашу руку. Наша скромная прощальная пирушка проходит в семейном кругу, так что Коммодору и вам, Хаззард, придется довольствоваться обществом моих дочерей, Сары Энн и Мэри Аделин.

Вышеозначенные джентльмены церемонно подали руки девочкам и двинулись в дом. Мистер Кент на правах родственника замыкал процессию вместе с мистером Рейси и Льюисом.

О, что это был за стол! Вид его иногда возникал перед глазами Льюиса Рейси в чужеземных странах. Живя дома, юноша не был ни чревоугодником, ни гурманом, однако позже в краях каштановой муки, чеснока и причудливых бородатых морских тварей не раз глотал слюну, вспоминая эту невиданную роскошь. В центре стола располагалась серебряная фамильная многоярусная ваза с букетом июньских роз в окружении свисающих корзиночек с засахаренным миндалем и полосатыми мятными леденцами. Вокруг основной композиции сгруппировалось несколько блюд лоустофтского фарфора, до краев наполненных клубникой, малиной и первыми делавэрскими персиками. За ними высились горы печенья, пончиков-круллеров и песочных пирожных с клубникой, кукурузный хлеб